

Литература как архивирование идентичности: опыт русских авторов постсоветского Кыргызстана

Элеонора ПРОЯЕВА¹

Введение

Сохранение культуры всегда коррелирует с вопросами идентичности её носителей. В информационную эпоху с её сложными процессами глобализации и локализации подобные вопросы становятся более ощутимыми, чем прежде. В Кыргызстане, как и в других бывших республиках Советского Союза, произошли демографические процессы, отразившиеся в том числе и на литературе. Она, как культурный организм, выражает ощущения, чувства и мысли целых групп населения, оказавшихся в новой идейно-культурной ситуации. С кем и чем идентифицируют себя авторы произведений, которые написаны на русском языке в последнее время в Кыргызстане? Речь идёт о тех писателях, которые в личностном и историческом плане привыкли считать себя частью русского народа, а свои произведения – частью русской литературы. Как показывает анализ их художественных и публицистических сочинений, их культурная идентичность, несмотря на схожие судьбы и общую историю, складывается в настоящее время по-разному. Сегодня в Кыргызстане на русском языке всё ещё создаётся значительное количество литературных произведений. Среди писателей республики, осознающих себя русскими, наблюдается большая амплитуда в понимании и выражении этно-культурной идентичности – от сконцентрирования своих усилий именно на этно-культурных проблемах своего народа до признания тупиковости монокультурного принципа в творчестве.

Русский язык как культурная проблема и литература

Вопрос культурной и этнической идентичности неразрывно связан с языком, который является строительным материалом литературы, который собственно и создаёт литературу. Несмотря на полемику, часто политически мотивированную, о русском языке в Кыргызстане, его роль в культурной жизни республики продолжает оставаться весьма важной. Непревзойдённый авторитет и эмблема кыргызской литературы, Чингиз Айтматов в интервью украинской журналистке 1997 году на вопрос об этой его роли ответил:

Было время, когда мы как бы оборонялись от русского языка, защищали свои языки, чтобы их сохранить, чтобы они не утратили своей значимости, полностью не исчезли. Ведь в официальных сферах они уже почти не использовались, наши языки. А сейчас другая, мне кажется, крайность. Сейчас надо, наоборот, русский язык защищать, чтобы сохранить его в той мере, в какой он нам необходим. Потерять с таким трудом нажитое историческое культурное достояние, мне кажется, тоже было бы неразумно. Поэтому у русского языка должен быть, мне кажется, особый статус в наших странах. Не потому, что мы тем самым якобы хотим подчеркнуть наше и без того положительное отношение к России, а для того, чтобы русский язык сохранился для нас самих как средство общения с остальным миром, как инструмент и как наше собственное культурное достояние, естественно.²

¹ Элеонора Прояева, старший преподаватель Американского университета в Центральной Азии. Филолог, специалист по русскому языку и русской литературе. Литературный критик. Сфера профессиональных интересов – русская классическая литература 19 и 20 веков (творчество Ф.М.Достоевского), русская литература периода перестройки и гласности, русская литература в Кыргызстане. Со-организатор инициативной группы молодых авторов Кыргызстана «Ковчег», инициатор и организатор многих проектов, призванных развивать творческий потенциал молодых писателей и повышать читательскую культуру молодёжи. Автор учебника по литературе для средней школы в рамках проекта по поликультурному образованию под эгидой Министерства образования КР и Фонда Сорос-Кыргызстан. eleonora.proyaeva@gmail.com

² Айтматов Ч., 1997

Процесс глобализации поставил вопрос о сохранении отдельных культур, как основы разнообразия и духовного развития человечества. Массовая культура угрожает сохранению этого разнообразия – этот аспект сегодняшнего культурного процесса писатель счёл очень важным прокомментировать: массовую культуру невозможно остановить, отрицать, запретить. Но под её шквалом могут погибнуть национальные культуры. Будучи мудрым человеком, Чингиз Айтматов указал на противоположную – и вполне зримую сегодня – опасность:

ограничиваться только пределами национальной культуры, возвеличить ее до такой степени, чтобы противопоставлять ее всему окружающему миру и другим национальным культурам, нельзя, это тоже ведет к страшным бедствиям. Это в конечном итоге может привести к кровопролитию. Мне кажется, многое из того, что произошло на Балканах, на Кавказе, происходило именно потому, что люди не могут совместить свои культурные национальные ценности с ценностями соседей, и в результате начинаются бедствия.³

Творчество Чингиза Айтматова – это исключительный случай, когда писатель, глубоко народный, оказался включённым в мировую культуру благодаря именно тому, что никогда не отрывался от культуры своего народа, ассоциировал себя с ним глубоко и точно, выводя его проблемы на уровень общечеловеческих.

От современного человека, как представлял это себе Айтматов, требуется максимальная культурная открытость и способность понимать иные культуры и глубокое знание своей родной культуры, умение явить эту культуру в её лучших образцах миру и людям. А эти два качества немислимы без знания языка родного, а также – без знания языков других народов. Исторически так вышло, что русский язык сыграл большую цивилизационную роль в развитии культуры кыргызского народа, но в то же время он, по причине политической, стал восприниматься как язык насилия, инструмент построения советской империи. По этому поводу ведутся многочисленные дискуссии самого разного уровня – и это показатель того, что проблема не решена до сих пор.

Сегодня русские составляют, по данным Нацстаткома, около 12% всего населения Кыргызской Республики. Они реально почувствовали себя этническим меньшинством с наследием, которое им оставил комплекс «большого брата». Но роль русского языка пока ещё существенна в образовании и науке, в медиа и культуре. Современное интеллектуальное сознание есть сознание постколониальное в принципе, из чего следует необходимость проанализировать как опыт «колонируемого»/ «колонизированного», так и опыт «колонизатора» - для того чтобы прийти к признанию мысли о реальной гибридности всякой культуры и о разнообразии как праве всех на высказывание и как исходной точке суждений.⁴

В начале 20 века русский язык выполнял роль средства приобщения кыргызской культуры к западному миру, и в данном случае русская литература оказывалась сама «западным явлением» для народа Кыргызстана. Часто эта литература задавала систему ценностей, культурных ориентиров/кодов, поведенческих моделей, через неё создавались идеалы и образы героев. В целом с советской империей происходило то, что называют «маргинализацией национального в угоду социалистическому»⁵. Особенно сильно последствия такой языковой политики видны сегодня в странах Балтии, Грузии, на Украине. Империя использовала для своих идеологических нужд именно то, что ей нужно было в каждой отдельной культуре пятнадцати республик, а то, что было «чуждо» её идеологии, либо замалчивалось («может ли угнетённый говорить?»), либо преследовалось. Не случайно в первые годы перестройки – и начале конца империи – еще советские читатели и зрители «вдруг» «узнали» о существовании гагаузов, каряков и других малых народов.

Но что такое русская литература на «окраине бывшей империи» - остаётся вопросом, поскольку ещё только определяются её очертания и вызывают предположения о её особенностях.

³ Там же.

⁴ Bhabha Н. К., 1994.

⁵ Баядян Г., 2007

Наглядным примером того, что эта проблема существует, являются дискуссии - чаще всего в масс медиа, гораздо реже – в академических кругах бывших советских республик на тему судьбы русской литературы в современных условиях независимых государств. Зачастую эта проблема отягощена политическими обстоятельствами: например, в Грузии речь идёт даже не о литературе на русском языке, а о потере русского языка как средства общения и социальной интеграции вообще. В Эстонии, прошедшей этап неприятия русского как советского, сегодня предпринята наиболее точная научная оценка роли русской литературы в стране и её сегодняшнего состояния. Во многом это заслуга Института Пушкина в Эстонии, а также профессора С.Г. Исакова⁶, руководителя Русского исследовательского центра. Эстонское государство сегодня поддерживает изучение русского как иностранного и опыты в области литературы на этом языке, рассматривая русскую литературу как часть мировой. Осознавая себя как часть Европы, эстонские авторы и читатели в основном интересуются постмодернистскими тенденциями в современной русской литературе. В Казахстане иная картина: здесь существуют на русском языке два больших литературных журнала («Простор» и «Нива»), издаётся «Литературная газета KZ», есть сайт электронной библиотеки и литературный портал, печатаются произведения русских писателей и русскоязычных казахских авторов. Именно подобное щедрое присутствие русского языка в казахстанском литературном пространстве вызывает дискуссии по поводу культурной идентичности писателей и следования традициям. Исследование кыргызским литературоведом Койчueвым Б. современной русской литературы в Кыргызстане указывает на её традиционную связь с русской литературой России и на специфический азиатский колорит, вызванный историческими и культурными причинами. Несмотря на достаточно описательный характер исследования и патетичность выводов, автор его представляет обширную картину русской литературы в республике⁷. Савина М. делает частью своего исследования авторскую идентичность⁸ кыргызских писателей-билингвов.

Идентичность является прежде всего психологической категорией, согласно Э.Эриксону⁹, следовательно, она связывается с сознательными (когнитивными) и бессознательными (аффективными) явлениями. Как определяет свою личность человек, через какие группы, функции, принадлежность к чему и/или кому бы то ни было – всё это является неизбежным процессом в жизни каждого. Литература даёт большой простор для определения авторской идентичности, поскольку является продуктом творчества. Этническая идентичность – это

эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями одной с ним этнической группы, а также его позитивное ценностное отношение к истории, культуре, национальным традициям и обычаям своего народа, к его идеалам, чувствам и интересам, фольклору и языку, территории проживания этноса и его государственности¹⁰.

Культурная идентичность – понятие более широкое, поскольку она может покрывать ценностные ориентиры (когнитивные и аффективные) разных культур. Для формирования этнической и культурной идентичности свойственно осознание «чужого», «другого», что можно наблюдать в процессе анализа литературных произведений. Предметом исследования в данной статье является авторская идентичность, которую можно определить как постулируемое через художественные образы отождествление автора с определённой этнической и культурной общностью, с ценностными представлениями и идеалами этой общности. Это исследование ведётся на материале творчества писателей Кыргызстана, которые пишут по-русски и осознают себя русскими.

Русская литература в Кыргызстане стоит на пороге осознания и определения авторских идентичностей, при наличии разрыва между языком и национальностью, в отсутствие

⁶ Исаков С., 2005

⁷ Койчueв Б., 2009

⁸ Савина М., 2011

⁹ Эриксон Э., 1968

¹⁰ Этнопсихологический словарь

идеологического принуждения к использованию писателем языка метрополии. В советских условиях для успешной писательской карьеры нужно было знать русский язык и быть членом коммунистической партии. Что необходимо сегодня для успешной писательской карьеры? Многие, если не все авторы, ответят: деньги. Рынок диктует свои правила. Но здесь речь совсем не о рынке, а о том, что писатели, считающие русский язык главным в своей жизни и своем творчестве, сталкиваются с необходимостью переосмыслить свою идентичность тоже, понять, в каком культурном пространстве они живут, к какой живой системе ценностей они «привязаны», какой модели поведения они придерживаются, чем они отличаются от русского этноса метрополии. Метрополия при этом удалась не в пространстве географии, но в пространстве более мощном – пространстве сознания, общей мысли, общей идеи. Эту идею общей судьбы пытался воплотить в жизнь герой романа Василия Аксёнова «Остров Крым».

Когда-то бывшая такой пёстрой, разносторонней и уникальной в своём единстве, литература народов советской империи перестала существовать вместе с распадом оной. Точнее – утратила своё единство с утратой роли русского языка, цементирувавшего империю. Остались имена писателей, создавших произведения, потрясающие до сих пор, несмотря на то, что им приходилось делать определённые идеологические уступки тогдашнему режиму: Отар Чиладзе, Олжас Сулейменов, Фазиль Искандер, Ион Друце, Гафур Гулям, Зульфия, Эдуардас Межелайтис, Вилис Лацис, Аветик Исаакян, Рустам Ибрагимбеков и Чингиз Гусейнов, Муса Джалиль.

Свобода приходит нагая, а это значит, что с ней вместе приходит пора трезвости и ответственности, а также – пересмотра и переоценки своей деятельности. Русскоязычная литература Кыргызстана со времени обретения страной независимости оказалась перед лицом множественных вызовов – языковых, демографических, социальных, технико-коммуникационных, гендерных, культурных, эстетических, моральных. Литература отвечает на эти вызовы через художественные образы, определяя своё отношение к переменам в реальности и конструируя свою особую «вторичную» реальность, которая может оказаться пророческой.

Русский язык в Кыргызстане: статистика

Кыргызская Республика – единственная страна на территории бывшего СССР, где русский язык признан официальным. По данным сетевого демографического издания «Демоскоп»,

... русский язык имеет статус официального языка в соответствии со статьей 5 Конституции Киргизской Республики 2007 года и законом «об официальном (русском) языке Киргизской Республики» 2000 года... в двух странах – Белоруссии и Киргизии, – где русский язык имеет высокий статус (государственного и официального языка соответственно), большинство населения считает необходимым сохранить этот статус. [...] 15,5% опрошенных в той или иной степени поддерживают лишение русского языка официального статуса, тогда как подавляющее большинство (83,7%) – в той или иной мере не поддерживает такого решения...¹¹.

В 1999 году кыргызский язык называли своим родным 65,2% населения КР, русский стоял на втором месте – 14,7%, на нем шёл узбекский – 14,0%. При этом русским как вторым языком владели 75%, кыргызским - 11,5% , узбекским - 8,2%. Эти цифры отражают владение вторым языком, кроме родного. Это значит, что до кыргызских «тюльпановых революций» три четверти населения республики говорили на русском – причём, это люди самых разных этносов. Исследователь В. Хауг пишет:

Совершенно очевидно, что русский язык все еще является очень важным языком межнационального общения в Киргизской Республике, а также это единственный международный язык, используемый большей частью населения. Киргизский язык является менее распространенным средством коммуникации и используется в качестве другого языка, кроме родного, которым свободно владеют 14% населения, что заметно превышает долю 4% населения, которые используют узбекский язык в качестве другого языка. Умение говорить на другом языке распространено среди народов неравномерно... У русских в возрасте от 15 лет и старше доля населения, владеющего другим языком, составляет всего лишь 6%; низкое значение этого показателя отмечается также в других группах с

¹¹ Гаврилов К., Козиевская Е., Яценко Е., 2008.

большим удельным весом населения, указавшего в качестве родного русский язык (украинцев, немцев). В то же время, 49% взрослых киргизов и 36% узбеков назвали русский язык своим вторым языком... Важность русского языка как средства коммуникации особенно примечательна на юге страны, где до прихода русских и введения обязательного образования Советской властью роль языка межнационального общения играл персидский язык - фарси. Русский язык все еще остается средством общения между киргизами и узбеками. Например, в г. Ош 60% всего взрослого населения владеют вторым языком, но русский язык среди узбеков называется вторым в два раза чаще, чем киргизский, а число киргизов, владеющих русским языком, в пять раз больше тех, у кого второй язык узбекский...»¹².

Больше всего русских и русскоязычного населения традиционно на севере республики, в Бишкеке, столице (бывший Фрунзе), и в Чуйской области. В 1989 году русских в Бишкеке (Фрунзе) было 55,8%, а в 2009 – 20,8%. Тенденция в эмиграции русских за последние годы поразительная: с 1959 по 1989 (за 30 лет) число русского населения уменьшилось на 10%. И за 1989 – 1999 годы тоже произошло уменьшение русского населения на 10% (за 10 лет), т.е. скорость этого процесса возросла в 3 раза после распада Союза. С 2009 по 2012 (в 2010 году произошла вторая «революция») численность русских уменьшилась на 1% - и это за 3 года. Вероятно, налицо новые демографические тенденции в стране: те, кто не собирается уезжать, видимо, ассимилируются в большей мере, чем их родители, или не имеют средств, чтобы уехать и начать новую жизнь в другом месте. По данным Нацстаткома КР на май 2012, в Кыргызстане живёт 72,2% киргизов, 6,87% русских, 14,3% узбеков - это самые многочисленные этнические группы¹³. Но для всех групп населения русский по-прежнему остаётся языком межнационального общения, а для многих – условием заработать для своей семьи в России: более полумиллиона человек, по последним официальным данным, работают в России. Притом что русским языком как родным или вторым родным владеют больше 70% населения, качество владения им резко поляризуется (лучше всего владеют – на севере, в столице и хуже всего – в отдалённых районах и на юге), а также число это снижается. Но это даже не этническая, а культурная проблема, так как через многоязычие общество Кыргызстана может избежать монокультурности.

Об этом всерьёз рассуждают в кыргызстанских медиа. Политолог Марс Сариев так формулирует своё отношение к проблеме:

Мы должны разобраться в себе и понять, что мы — единое общество, люди, рожденные и выросшие в этой стране. ... те, кто не чувствуют себя здесь «в своей тарелке», обязательно должны участвовать в дискуссиях, высказываться, слушать противоположное мнение... С той думающей элитой, которая осталась, участвовать в дискуссиях, в этой рефлексии, но позитивно... Действительно, это очень опасно, если не будет широкой национальной палитры в Кыргызстане. Представьте гипотетически, что полностью вымывается европейский слой из страны, слой носителей всего инновационного. К примеру, есть ниши, которые абсолютно не закрываются нашими национальными кадрами, это техническая интеллигенция. Да и в гуманитарной сфере они являются неким мостиком, который не позволяет схлестнуться киргизам с другими этносами, скажем, то, что произошло на юге... Поэтому этот слой русскоязычного населения очень важен, важно их поддерживать. Но и они должны занимать конструктивную позицию, а не плевать в колодец, из которого пьют¹⁴.

Этот факт должен быть отрефлексирован, и лучше всего с такого рода рефлексией справляется литература, в силу своей синтетической способности аккумулировать вопросы из разных сфер жизни общества и пропускать варианты их решения через жизнеподобные образы.

Сегодня русский язык занимает крепкие позиции в социально-политической жизни Кыргызстана: обучение в подавляющем большинстве вузов ведётся на русском языке (кроме того, что, конечно, языком обучения являются также киргизский, узбекский, английский), большинство обучающих материалов – на русском, русскоязычные классы в средних школах переполнены. Как пишет Наргиза Рыскулова в своем исследовании,

¹² Там же.

¹³ Национальный статистический комитет Кыргызской республики, Национальный состав населения КР, 2014.

¹⁴ Сариев М., 2012

во многих университетах преподавание ведётся на русском, и знание русского языка – это неременное условие для устройства на работу. Русский также важен в кыргызских медиа, где большинство новостных программ идут на двух языках и русскоязычный официальный телеканал – это важнейший источник новостей в стране. Большинство культурных событий, спектакли, фильмы, форумы – всё это на русском. Единственная вещь, которая затрагивает русскоговорящих в Кыргызстане после обретения независимости, это закон о языке. Он требует знания кыргызского для русских, которые хотят войти на политическую арену, что в исключает большую часть славян из кыргызстанской политики¹⁵.

Она цитирует исследователя Космарскую:

Большинство высококвалифицированных и амбициозных славян, наряду с поляками, евреями, немцами, узбеками, уйгурами и даже кыргызами эмигрируют из Кыргызстана по разным социально-экономическим причинам, и это наш выбор - смотреть на это через этническую призму или нет. Как мы смотрим на это, так и конструируем проблему.¹⁶

и резюмирует:

Независимо от того, какую призму мы выбираем, кажется, что текущая политическая и экономическая нестабильность, растущий национализм и отсутствие карьерных перспектив, отъезд этнических славян, боящихся того, что страна станет моноэтнической ... продолжается.¹⁷

Надо заметить, что отношение к русскому языку в Кыргызстане наиболее позитивное, по сравнению с другими республиками бывшего СССР. Мигранты из Кыргызстана лучше других бывших соотечественников говорят по-русски, это подтверждают российские миграционные службы¹⁸. А многие русскоязычные не чувствуют себя чужими в республике. Появление в эфире национального телевидения русской девушки, ведущей выпуск новостей на чистом кыргызском языке, подавляющим большинством населения воспринималось с восторгом, что, с одной стороны, говорит о толерантности, а с другой, что такое владение кыргызским языком в среде некыргызоязычной – большая редкость, и поэтому нужны хорошие программы по обучению ему всех заинтересованных.

Колонизатор, заложник, «иной» – проблема речи

В отличие от других стран бывшего СССР, особенно от стран Балтии и Кавказа, русские в Кыргызстане не чувствуют себя «колонизаторами» - во многом это заслуга того, что учёные называют менталитетом, и мягкой политики в отношении национальностей в республике в целом. В республике есть свой журнал «Литературный Кыргызстан»¹⁹. Писателем Олегом Бондаренко основана большая электронная библиотека с преимущественным наполнением текстами на русском языке, хотя есть и тексты на кыргызском, узбекском и английском языках, но их число неизмеримо меньше. К чести создателей сайта, на нём есть и кыргызская версия, хотя переводы с русского на кыргызский и обратно отсутствуют. Таким образом, читателю доступны только тексты на родном языке, если он не владеет вторым (или третьим). Литературный журнал «Жаны Ала-Тоо» (название журнала - это полемика с тем художественно-публицистическим кыргызским журналом «Ала-Тоо», что издавался при советской власти), в котором печатаются произведения на кыргызском языке, заполняет эту лакуну: в нём есть переводы на кыргызский многих современных авторов²⁰. Кыргызоязычная и русскоязычная, а также узбекскоязычная литературные тенденции сегодня в гораздо меньшей степени пересекаются, чем это было во времена Союза. Носители их языков существуют в разных дискурсах – это явление, зависящее не только от конкретного естественного языка, но также от социальных, ментальных, психологических факторов.

¹⁵ Ryskulova Nargiza, 2012.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кожобаева З., 2014.

¹⁹ Новая литература Кыргызстана. Крупнейшая электронная библиотека отечественных авторов, 2014.

²⁰ Аноним, 2010.

Каждый писатель – это особый взгляд на мир, а значит, и особая личностная идентичность, в которую вписана судьба, характер, воля. И всё же современное состояние русской литературы в Кыргызстане позволяет делать определённые обобщения. В первые постперестроечные годы появились произведения, осмысляющие события прошлого, о которых нельзя было писать в советское время (трагедия 1916 года, насильственное переселение народов, сталинские репрессии). Народы маленькой – в сравнении с Россией – страны всматривались в самих себя, «искажали корни», тщательно реставрировали свою этническую идентичность. Процесс сколь интересный – столь и мучительный, ибо всякое новое знание вызывает некоторую боль, порождаемую необходимостью отказываться от иллюзий прошлого. В журнале «Литературный Кыргызстан» существовала рубрика, в которой вёлся своеобразный историко-литературный рассказ о народах нашей страны – о каждом в отдельности, из номера в номер. Это несомненная большая заслуга журнала перед гражданами нарождающегося нового государства – государства, изъявившего волю «жить не по лжи». Но более чем за двадцать лет независимости многое изменилось: вышеупомянутые темы, табуированные советской властью, отошли на второй план, оставшись как бы темами пост-имперскими. А на первый план выдвинулись темы, связанные с трудной жизнью на развалинах этой империи: бедность, безработица, трайбализм, традиции и положение женщин в обществе, проблемы молодёжи и детей, религиозный экстремизм и этнические конфликты.

Как на эти темы реагируют авторы, пишущие на русском? Не претендуя на всеохватность явления, можно сказать, что некоторые из них чувствуют себя «заложниками», по-прежнему ассоциируя себя с Россией, при всей любви к Кыргызстану. Другие – так сказать, «новые азиаты» – авторы, чьё творчество ярко вписывается в азиатскую литературную среду, художественно подчёркивая эту включённость; есть и те, кто не ввязывается в местные полемики, обращая свой творческий взор к России, её широкому идейному и литературному горизонту. Впрочем, можно заметить, что первые две группы зачастую пересекаются, примеры можно встретить буквально в произведениях одного автора.

«Другой» как повод для обнаружения «себя»

Народный поэт Кыргызстана Вячеслав Шаповалов представляет самый яркий пример русского автора, чья этническая идентичность не совпадает с культурной, а точнее – культурная идентичность оказывается шире, чем этническая. Это судьба поэта, родившегося и воспитавшего себя на стыке двух культур: русской и кыргызской. Вячеслав Шаповалов – один из первых авторов в Кыргызстане, который «обнаружил» присутствие в русскоязычном мире своей страны «другого», то есть в своих стихах выявил и предъявил миру этого «другого» как факт культуры. Такими были уже первые его поэтические сборники, отмеченные особым колоритом азиатской (киргизской, как говорили в Союзе) природы и истории. Иное чувство вызвало у поэта «обнаружение» себя как «другого» в иноязычной культуре с определением независимости государства и изменениями в социальной и культурной жизни страны. Использование термина «другой» в настоящем случае подразумевает тот смысл, который придавал ему Ж.-П. Сартр:

восприятие Другого происходит «вне познания, даже если последнее мыслится в неясной и невысказанной форме типа интуиции». Эта непознавательная позиция восприятия позволяет, однако, представить Другого сразу как субъект и выступить в качестве существенной структуры моего бытия уровня структуры бытия-для-другого. Другим важным свойством взгляда как восприятия выступает то, что восприятие образует особое пространство, существующее без частей, которое дается сразу. Появление Другого в этом пространстве дезинтегрирует мое пространство, группируя объекты в ориентации на Другого... Он есть то бытие, говорит Сартр, на которое я не направляю свое внимание. Он есть тот, кто смотрит на меня и на которого я еще не смотрю, он дается мне как *нераскрываемый*. Не раскрываясь, он присутствует во взгляде, направленном на меня. В моем бытии присутствие Другого имеет двойственный характер. С одной стороны, он есть полюс отчуждения моих возможностей, к которому истекает мой мир. С другой стороны, он есть другой мир, мир, нераскрываемый мной. Однако это *тот же самый мир*. Для моего мира Другой оказывается смыслом и направлением тех процессов, которые случаются в моем мире в присутствии другого. И его

присутствие как раз наиболее настоятельно именно в момент, когда я на него не обращаю внимания. Таким образом, феноменология Другого требует проявления его бытия как нераскрываемого. О чем нам свидетельствует Другой как нераскрываемое бытие?

Взгляд Другого, отмечает Сартр, с самого начала есть разрушение всякой объективности для меня. И этим разрушением взгляд Другого преобразует и меня, и мир. Это преобразование затрагивает пространство моего бытия, оно разрушает мои расстояния до объектов моего мира и разворачивает свои собственные расстояния²¹.

Русский по рождению и воспитанию поэт В.Шаповалов, наделённый даром видеть то, что не всегда и не сразу открывается «обывателю», он выучил язык страны, в которой родился, изучил кыргызскую культуру, обычаи, уклад народа. Он, согласно Сартру, направил своё внимание на мир Другого, позволив Другому дезинтегрировать Своё пространство. Но за счёт этой дезинтеграции стало виднее своё существование, свой смысл и облик. Оно оказалось не совсем «российским», не совсем «азиатским», но русским по силе вчувствования в реальность Другого, по отзывчивости на Другого, о которой говорил ещё Достоевский.

О русской теме в его поэзии написано в республике много статей²², общий смысл которых в том, что поэт развивает тему «утраты родства, мучительных поисков **своей** истории в глубинах истории **чужой**, **беззащитная** вера во вторую родину и вновь **утрата** – теперь уже второй родины»²³ (выделено мной, Э.П.). В данном случае интересно, как исследователь (Л.В.Иванова) и поэт (В.И.Шаповалов) совпадают в своих оценках ситуации изменившегося культурного общения – они называют «Другого» **чужим**. Таким образом архивируется «имперский взгляд» на настоящее: империя рухнула; язык, чьим инструментом консолидации он служил, оказался в двусмысленной ситуации; и в мире появилась новая оппозиция на манер старой «свои - чужие». Классическая отсылка к бессмертному роману Джорджа Оруэлла – для консолидации «своих» нужен «чужой». Чужой, чуждый, неродной, вне-моей-природы, вне-меня, вне-моего опыта, вне-моей-истории – вот что транслирует такое понимание новых отношений в изменившем свои культурные координаты обществе. Такое понимание парадоксально сочетается с осознанием своей особой причастности к культуре кыргызского народа.

Интересно, что в своих публичных выступлениях Вячеслав Шаповалов выражает свою позицию гораздо яснее. Как публицист, исследователь и переводчик он выступает за то, чтобы в сегодняшнем общественном сознании Кыргызстана возникла и укрепилась идея о неизбежности многоязычия, об исторических, объективных основаниях его. Вот как он отвечает на вопрос журналистов о языках и этнических проблемах в сегодняшнем Кыргызстане:

нужно защищать не только русский язык [... но] и кыргызский тоже. Сейчас они оба находятся в очень сложном положении. И если будет плохо одному, то, в конечном счёте, будет плохо и другому [...]. Этническая принадлежность? Давайте говорить о гражданской принадлежности и гражданском самосознании. В послевоенные годы замечательному русскому учёному, создателю кыргызско-русского словаря К.К. Юдахину приклеили ярлык «кыргызского буржуазного националиста». Он чуть было не угодил на лесоповал. Что ж, если в этом контексте многонационального государства «кыргызским националистом» назовут меня [...] я согласен [...] забыть родной язык технически невозможно²⁴.

Но в его поэтической практике на первый план выдвигается чувство, которое, говоря словами классика, «строку диктует». И это чувство по большей части депрессивно, негативно – перед читателями возникает некое подобие лаборатории разочарований. Эти разочарования в основном рождаются из оценки исторического опыта русских «в азийском круге» и пессимистических прогнозов для культуры этого региона бывшей империи.

Книги стихов Шаповалова «Заложник» и «Чужой алтарь» достаточно ясно представляют картину идентичности русского человека в «азийском круге» (таково название одного из

²¹ Голенков С.И.

²² Плоских В., 2007. Прояева Э., 2010.

²³ Плоских В., 2007. С. 130.

²⁴ Плоских В., 2007. С.195.

стихотворных циклов поэта), вглядывающегося в мир Другого, чтобы понять себя самого и определить отличия от тех русских, которые живут в России. Концепция первого сборника заложена в его историко-политическом названии – «Заложник». Злободневность есть главная его черта, вокруг неё выстраивается достаточно сложный художественный мир с многоуровневыми культурно-историческими параллелями.

Сам поэт весьма трагически оценивает свои отношения с культурой Востока и Кыргызстана (из интервью автору этой статьи):

Я с первых дней детства, которые помню, отождествлял себя с миром киргизского востока, всегда осознавал себя частью этого мира – и даже в последние годы мучительного разделения культур (и именно в эти годы всего острее) понял, что это во мне до конца дней [...] у киргизов как детей номадической цивилизации - великолепная устная поэзия, мощная архаика, тенгрианство в крови, совершенно ни на что не похожее видение мира [...] Это осталось только у киргизов и казахов, прочие этносы давно утратили эту энергетику. Но сегодня это всё остается за кадром, даже как-то удивительно: потрясающий эпос и лирика акынов в прошлом – и близкое к нулевой точке современное словесное искусство.

Вдали от «материкового русского» у писателя обостряется чувство родного языка и парадоксальное понимание того, что «азийство» стало второй его натурой. Слово, речь, язык, говорение, дом – это ключевые понятия его книги «Чужой алтарь». Поэт, чей родной язык имеет историческую коннотацию как средство имперского влияния («колонизации»), находится на пути мучительного признания неизбежной гибридности культуры страны, в которой он живёт «здесь и сейчас». Всякое прозрение включает боль – боль в этом случае может быть и субъектом, и объектом. Гибридность культуры предполагает, как это считает Бхабха, признание и необходимость действенного диалога или полилога всех включённых в данную культуру – возможность/право и необходимость высказывания и бывшего «колонизатора» и бывшего «колонизированного». Вопрос в том, что именно они должны высказывать, о чём говорить друг с другом? Если только о себе и своём опыте, то это получается два параллельных монолога, в которых они уподобляются оперным певцам, каждый из которых поёт свою арию, не слушая другого. Но суть монолога поэта Шаповалова несколько иная, чем в прежних его произведениях, когда он противопоставлял себя тем комиссарам, которые пришли на киргизскую землю в начале 20 века, не зная ни земли, ни людей, ни их культуры – с тем, чтобы сделать их частью советской империи: «Кто я здесь с украинско-русскою кровью, Чей зов не ощутим, но тих и долгов, Крест воздвиглоша на азийскую кровлю, Не варяг, не грек, но при том – тюрколог...»²⁵. С гордостью и по праву утверждавший себя знатоком киргизской культуры, языка, поэзии – позже он избирает для себя позицию поэта вопиющего, но не услышанного. Нечаянная формулировка литературоведа о «беззащитной вере» как бы исключает возможность диалога с носителем этой веры в «новую родину», поскольку тот, кто беззащитен, уже, подобно ребёнку, морально прав. Из такой нечаянной сентенции вытекает пафос рассуждений о языке, слове (или Слове), истории, отечестве и культуре – в книге «Чужой алтарь»²⁶, состоящей из двух частей: «Парк тюркского периода» и «Век безъязычья». Алтарь – святая святых в христианской культуре, но если он чужой, к нему должен быть получен доступ, вероятно, должны быть соблюдены какие-то правила, а если правила соблюдены и доступ получен, то это уже не чужой алтарь. Этого противоречия не замечает автор, несмотря на то, что понимает и любит, по его заявлениям и практике переводчика и исследователя, эту «чужую» культуру.

В ключевом для сборника стихотворении эпитафия из русского путешественника Афанасия Никитина («...остави веру свою на Руси») предваряет строение из понятий, маркированных эпитетом «чужой»: «вокруг чужая земля», «под солнцем чужим и дождём», «чужая земля», «плоть чужого зерна», «чужой погост», «чужой итог бытия», «чужой раскат», «граваль чужой», «лики чужих богов», «чужие слова». Сложные конструкции смысла демонстрируют культурологическую

²⁵ Шаповалов В., 2003

²⁶ Шаповалов В., 2011. Далее даются цитаты по этой книге с указанием страницы. Слова в цитатах выделены жирным мной, Э.П.

осведомлённость автора («мать Умай в обличье земном под тенгрианским окном», «логос полный грозы откроется для побед» (синтаксис автора, Э.П.), но не позволяют читателю *почувствовать* текст, проникнуться чувством по тому поводу, который вызвал к жизни это стихотворение. Рациональность и стихотворческая техничность победили так необходимую поэзии способность передавать чувства, вызывать ответные чувства, со-чувствовать.

«Парк тюркского периода» - название первой части сборника отсылает к самому щедрому на растительную и животную жизнь (юрскому) геологическому периоду в истории Земли, когда континент Пангея начал распадаться на части. Парадоксальная метафорика заглавия – первое, что бросается в глаза: (т)юр(к)ский период есть империя, которая дала – вопреки тоталитаризму – великую культуру, но автор выдвигает на первый план негативную коннотацию «(т)юр(к)ского периода»: «...парк тюркского периода, тьма, перекрестье мелового круга» (с.25) - такой, скорее всего, представляется ему судьба переселенцев из России в «азиатский круг» в имперские времена. В определённой степени заглавие этой части сборника отражает смыслы стихотворений, в неё вошедших: «Азиатский круг», «Имперская элегия», «Прощание в Туркмении», «Реквием русскому паломничеству в Киргизию», «Недоиммигрант», «У памятника Семёнову-Тян-Шанскому», «Государственное танго», «Плач по южным долинам». Кем себя видит автор в этой исторической перспективе – это показывает семантический анализ его стихотворений и публицистических высказываний. Анализ стихотворных текстов позволяет сделать следующие выводы касательно идентичности их автора. Вот список тематически близких образов из сборника: «...пичуга, тоскуя на чёрной чинаре, **по-русски** поёт, генерал!.. » (с.8), «Это дом **не твой**», «до сих пор в крови течёт **Непрядва**». Непрядва – это русская река, упоминающаяся в памятнике древнерусской литературы 11 века «Слово о полку Игореве», имеет символическое значение «родная земля, родина». Следующие образы уточняют позицию поэта в отношении своей идентичности, которая соотносится скорее с государством, нежели с чем-то другим: «Страшнее, когда **отвернулась Россия** от своих сынов!» (с.12), «зачем я здесь, **случайный путник**» (с.21), «**смерть** большевистской **империи, крушение культур** и надежд» (с.27), «**ветвь к забытому дереву** не прирастает» (с.32), «не согреет нас **чужой очаг**» (с.59), «**рассеянная жёстким** веком **наскоро** большой **России** **малая диаспора**» (с.63), «если **русский** придёт, то его **неизбежен исход**» (с.73), «**двух кровей воедино не слить**» (с.75), «и лик **прародины утрачен**...не привыкать нам жить в **изгоях**...с нами – **чуждых и чужих**...нам редко снятся сны **России**» (с.77-78), «деды зря **кочевали** сюда» (с.90), «вокруг **чужая земля**» (с.95), «**рушится дом**» (с.105), «**безразличная держава** география моя» - здесь и далее синтаксис автора, Э.П. (с.106), «язык изучен – **с кем говорить?**» (с.123), «**песни казачьи**...гор **безначальное** надчеловечье» (с.127), «**украинская бабушка**...**русская** бабушка...**отуреченный** профиль...**кержацкая** тихая кровь» (с.129), «**пусть и пришли ненадолго мы** у ойкумены на краешке и спасены и оболганы» (с.143), «жить нам и **чуждым и ропшущим**» (с.144), «я гимны прежние пою и **родину не укоряю**» (с.166), «этносы прут без црюков **от пассионарности дедов к транссексуальности внуков**» (с.167).

Эти примеры демонстрируют приверженность автора этническому принципу самоидентификации, в котором важную роль играет внутреннее ощущение (поэзия передаёт интуитивный опыт, прежде всего) утраты **государства** в том виде, который был привычен поэту и его современникам. Крушение советского государства воспринимается как утрата связи с культурой, как исчезновение основ существования, как апокалипсис поколения и бессмыслица бытия. При этом видно, что поэт выстраивает своего рода свою «санжыра», как говорят кыргызы (рассказывает о прадедах и прабабушках, дедах и бабушках, отце и матери), то есть поэтически описывает своё фамильное древо, в котором предметом семейной гордости являются долготерпение, трудолюбие, душевная щедрость. Это ещё сильнее подчёркивает главную мысль поэта: самоощущение русских как заложников исторических процессов, преданных детей империи, преданных империей. Поэт представляет себя как наследник русских, казаков, украинцев, кержаков (как особого, почти исчезнувшего даже в России субэтноса) – в этническом отношении, а также – как наследник, последователь, продолжатель традиции русской поэтической и исследовательской (тюркологической) школ, в культурном отношении.

Семантика таких понятий, как «язык», «речь», «слово», «имя» в указанном сборнике стихотворений Шаповалова подтверждает пессимистические прогнозы поэта относительно роли русского языка как носителя культурных смыслов в современном Кыргызстане: «люди **языка своего не находят**» (с.11), «**умолкнет зов**» (с.19), «**прикурит от горящего учебника** вечерняя зарница молодая» (с.25), «маскарад **безъязычия**» (с.27), «стон **несказанных слов** на полынном наречье» (с.29), «**гул вокабул** перед перезагрузкой племён» (с.31), «только **Слова – не слышим**» (с.38), «волк искал последние **слова – те ли, что в начале были Словом**» (с.45), «звон...**отринутих слов...запроданных слов**» (с.48), «**забвенное имя**» (с.88), «услышит **чужие слова**» (с.97), «**ни языка ни родства** в голосе крови» - синтаксис автора, ЭП (с.113), «**полчища языков**» (с.114), «неужели у всего этого мира **есть Имя?**» (с.121), «искать лишь **единственный логос!**.. всяк, мучимый **словом**, вовеки не понят и нем...**Слово**, баллон с кислородом для нишего духа... **Часть Речи**, что каждый как Божию силу обрёл...толмач **безъязычья**, таинственно чующий Бога...**Бог есть Язык!**» (с.131-136), «вечная **литературнда** под вавилонскою башнею» (с.144), «учит **язычник Язык – в век безъязычья**» (с.153). Изменение лингвистического пейзажа, связанное с развалом империи, есть шаг от однообразия, единоязычия к многоязычию. Но в авторской интерпретации это шаг к безъязычию – это видно из приведённых выше примеров. А многоязычная перспектива в его представлении выглядит как «**полчища языков**», наступление без-божных, без-словесных времён («**ни языка ни родства** в голосе крови»), а будущее литературы – это «вечная **литературнда** под вавилонскою башнею».

Поэт сознаёт опасность резкого понижения уровня образования (в том числе языкового), культуры, оскудения духовной жизни народа, что влечёт за собой потерю человеческого облика. Он как бы не желает признать факт, что за последние 20 лет в стране всё же стало намного больше людей, владеющих иностранными языками, – на фоне ухудшения знания русского языка и неудовлетворительного знания кыргызского.

В стихотворениях Шаповалова – огромное количество оксюморонов типа «родимая чужбина», «сладка полынь», «толмач безъязычья». По утверждениям специалистов, оксюмороны выражают альтернативные состояния сознания, интегрирующее психологическое состояние, когда важно общее, а не различия – модус декодирования «важно то общее, что есть между»²⁷. Именно этот смысл открывается в поэтических сочинениях автора. Этим объясняется и тот трагизм, с которым он описывает образ поэтессы, матери ребёнка двух кровей – русской и кыргызской: «...о чужом на своём языке соловьём запоет поэтесса. О своём?.. О чужом запоёт, да ведь женщина не виновата, в ней ребёнок под сердцем живёт – он за это межкровье расплата!..двух кровей воедино - не слить, вены рвёт на распутье – одна лишь!» - синтаксис автора, ЭП. Трудно представить сегодня такую трагическую интонацию и такой разговор, например, об отношениях европейцев, скорее всего, будет выглядеть странным этот «межнациональный трагизм». Он, вероятно, возможен в том случае, когда один народ теряет исторически сложившуюся позицию «старшего брата» и происходит своеобразный кризис языковых и культурных аспектов идентичности. В чём-то это чувство (поэзия имеет дело с «невыразимым», с чувствами) напоминает восторженно-испуганное изумление Андрея Вознесенского: «Что натворили когда-то родители! В разных глазах породнили пронзительно смутный витраж нотр-дамской розетки с нашим Блаженным в разводах разэтаких. Бродят, как город разора и оргий Ольга французская с русскою Ольгой» («Оленёнок»). Как сказал сам Вячеслав Шаповалов в одном из интервью, «век мононациональных государств закончился», но его самого пугает переход от однообразия к поликультурности, так как переход этот вполне может какое-то время следовать по скудным степным просторам переоценки ценностей и выбора культурных и исторических приоритетов.

Родиться заново – в новой культуре

²⁷ Черненко А.А. , 2009.

Более мягкой и оттого более гибкую и естественную в отношении самоидентификации позицию можно наблюдать в творчестве известной кыргызстанской поэтессы Светланы Суловой. Она является не только поэтом, автором совершенно оригинальных текстов, соединивших традиции русской классики и восточных литератур и фольклора. Она также известна как замечательный переводчик многих произведений поэтов Азии – классических и современных. Лауреат многих литературных премий и академик, для русской литературы в Кыргызстане она является уникальным примером органичного синтеза двух культур – кыргызской (а в широком смысле, азиатской) и русской. Интересен тот факт, что начинала она как поэт яркого лирического дарования, продолжательница традиций русской женской лирики, но со своим особым – прозрачным – голосом. Последняя из изданных её книг - «Акварели осеннего неба» (2009) - является своеобразным творческим итогом, в котором Сулова представила стихотворения из всех своих прежних сборников, которые наиболее ясно представляют её поэтическую эволюцию. Эта эволюция, как и своеобразие её поэтической индивидуальности, заметны и в самих названиях сборников: «Моей Азии» (1963-1977), «Пятое время года» (1978-1980), «Сад моего детства» (1981-1982), «Концерт для скрипки с оркестром» (1983-1984), «Несговорчивый соловей» (1985-1986), «Охота на эхо» (1987-1989), «Возвращение к себе» (1990-1996), «Избранное» (1997-2000) «Лестница лет» (2001-2002), «Молчание рыб» (2003-2006), «Стихи последнего времени» (2007-2008)²⁸. Её стихи представляют портрет лирической героини, открывающей полный музыки внутренний мир женщины, любящей, мыслящей, созидающей и осознающей свою женственность и своё поэтическое предназначение. По мере творческого и мировоззренческого роста автора происходило углубление проблематики и расширение культурных и философских горизонтов поэта. Авторская самопрезентация в первых стихах могла выглядеть иронической: «Я советская женщина Из советских степей. Я не в чем не замешана (Разве только в себе)...» - отсылая читателя к традиции советского государственного надзора, к которому автор в 60-70-е годы относится уже достаточно скептически. Нет, конечно, поэт Светлана Сулова не была никогда классическим советским человеком, женщиной, поэтом, если под этим определением понимать идейную приверженность строю. Хотя она была не раз одарена наградами государства, оставаясь при этом человеком свободным и естественным в своём поэтическом самовыражении. Обращаясь к Пушкину как к несомненному художественному и моральному эталону, она также признаётся, что «Все мы, Азия, твои дети...Мама Азия...». У этой поэтической Азии пока еще очень простой пейзаж – зарисовки гор, озера Иссык-Куль.

Рождество, ряженые, Пастернак, Москва, Переделкино, «все мы – верные псы нашей русской словесности вещей...», Сорочь, Михайловский парк, «ведь в наших генах – гений Пушкина» - эти образы рождены в конце 80-х, когда поэтесса посетила свою «историческую родину», и это было как паломничество к Кастальскому ключу. Здесь появляются ахмадуллинские интонации – в стихотворении «Сад моего детства», и видно, что автор стоит перед множеством вопросов, касающихся поэтического предназначения, но культурная и этническая идентификация здесь налицо: перед читателем вполне русский поэт, с чётко выраженной художественной традицией русской поэзии середины 20 века – в стиле, образах, интонации.

Но становится всё более зорким взгляд поэтессы, всё чаще она всматривается не только в себя, но и в мир культуры кыргызского народа, видит, изучает, сравнивает, любит каждую деталью этого мира. Она философски переосмысливает кыяк – музыкальный народный инструмент, две струны которого «есть Добро и Зло». В «Сотворении мира» лирическая героиня уподобляет себя – в согласии с азиатской художественной традицией – глиняному кувшину. И на смену пейзажным красотам в стихах появляются философские размышления; «Как сурова ты, Азия, отчая кровля...!». Замечательно то, что меняется и гендерное определение азиатской родины: не **мать** (женское имя), но **отчество** («**отчая кровля**»), усиливая момент рассудительный, спекулятивный. Интонации Заболоцкого («Пора медосбора»: «...всё, что было душою цветка,

²⁸ Ссылки на цитаты из стихотворений С.Суловой здесь и далее с указанием страниц в тексте статьи в скобках даются по изданию: Сулова С. 2009.

помнит только разящую нежность...»; «кузнечик... вдруг взглянет с человеческой печалью...»), Ахмадуллиной («...ты лечи меня, озеро, нянчи, баюкай»), Пастернака («Зимний день») вдруг сменяются азиатскими классическими мотивами. Так рождается «Лестница лет» (2002) - сборник рубаят, созданный в соавторстве с сыном Шером Токомбаевым. Этот сборник помогает определить важные пункты сегодняшнего мировосприятия поэтессы относительно её личной идентичности: «В Азийский круг вписались все мечты, Вплелась детей моих людская завязь...» (с.168). С её точки зрения, вопрос национальности вовсе не так важен, как вопрос смысла жизни, а посему она иронически определяет: «Национальность? ...Уютный стог, где сладко спит бездомный» (с.169). Наряду с Пушкиным, она называет своим учителем с детства – Руми, великого суфия. Надо отметить, что именно глубокое проникновение в суфийскую мудрость делает стихи поэтессы последних лет философски-умиротворёнными. Сулова как бы отказывается от «умствования», от непродуктивной рациональности, предпочитая ей опыт культурных взаимодействий и художественную интуицию: «Навсегда люблю тебя, Азия, Хоть совсем не знаю - зачем» (с.171). Хорасан, урюк, саксаул, «и усмешка Хайяма, и улыбка Хафиза», Исфара и дервиш – «Азия моя светлоглазая», как называет она родину, и в этом определении есть свой символический смысл. Это похоже на страстное желание объединить «синеглазую» Россию (символический антропологический признак «русскости») и родину по факту судьбы – Кыргызстан, с его синими небом, озером, зелёными горами. Кстати, в кыргызском языке есть прилагательное «кёк», обозначающее сразу два цвета – синий и зелёный. Как говорит сама поэтесса, «Для меня «материк» языка - это русская литература, лучшие ее образцы. Тяготеющий к иностранщине и мату говор современных русских городов и сел – увы, – не зовет окунуться в себя, приобщиться, так сказать...» (из интервью автору этой статьи).

В сборнике «Молчание рыб» (2006) многие стихотворения написаны на злобу дня, после первой «революции тюльпанов» 2005 года, и он сильно проигрывает другим поэтическим сборникам Суловой. Но есть в нём важная мысль о том, что «страшно жертвою быть. Но страшнее – ненужным и лишним». В эти года действительно состояние сознания многих жителей страны было сильно смущено множеством вопросов о настоящем и будущем: «Куда мы плыли на челне?..» (с.196) – вопрошает автор, используя известную формулу Пушкина, и не находит ответа.

Поэтесса часто использует обращение к Востоку – философии, восточным мудрецам и поэтам, к самому способу восточного мышления и мирозерцания:

Пусть Запад тешит разум колизеями. Восток – реки текучая душа. Здесь жизнь в момент меняется стремительно, Летит, бурлит, не ведая, куда.Прозреньем вдруг становится наитие... Кочевье – вот грядущее без бремени.

Восприятие времени как циклического процесса, в котором всё недолговечно и потому прекрасно, также восходит к тому пониманию пространства-времени, которое традиционно принято считать восточным: «От удлинённых глаз лучи восходят косо – Так цедит солнце взгляд в тюремное окно... Как любишь ты, Восток, в сердца входить без спроса, Чтоб спутать времена – *Недавно и давно...*»

Более того, в 2008 году С.Сулова публикует книгу собственных переводов рубаят Омара Хайяма, сделанных ею по подстрочнику и на основе консультации со знатоком фарсиязычной поэзии Азимом Аминовым²⁹. И это не единственный её опыт в переводах восточных авторов. Совсем недавно она закончила перевод большого эпического полотна классика кыргызского поэзии Сооронбая Джусуева об «алайской царице», лидере кыргызского народа в 19 веке Курманжан Датке. На вопрос автора этой статьи о том, что привлекает её в Востоке как культурном, философском, этическом феномене, поэтесса отвечает:

я часть этого феномена. Возможно, я проживаю здесь не одну физическую жизнь, поскольку воспринимаю философию, этику, культуру Востока как свое собственное переживание. Отсюда и

²⁹ Там же.

стремление донести до русского читателя лучшее из созданного Востоком как можно ближе к оригиналу.

На основании анализа поэтического творчества двух самых известных в Кыргызстане русских поэтов можно сделать следующие выводы. Оба они – и Вячеслав Шаповалов, и Светлана Сулова – принадлежат одному поколению русских поэтов, чья жизнь неразрывно связана с судьбой этой страны. Они сделали большой культурный вклад как поэты, переводчики, исследователи в понимание поэзии и культуры Кыргызстана и Центральной Азии. При этом они остаются очень русскими поэтами, правда, каждый со своими пристрастиями в художественной форме. Вячеслав Шаповалов более тяготеет к западной традиции, поэтому обращения к кыргызской культуре выглядят в его творчестве как искусная инкрустация, этническая стилизация – отсюда в его творчестве наблюдается нагромождение образов из мировой культуры и литературы. Он предпочитает видеть себя космополитом, человеком мира, волею трагической судьбы оказавшемся в «азиатском круге». Идентичность Светланы Суловой, как это показывает анализ её творчества, более мягкая, более локальная, если можно так выразиться. Ярко выраженная русская стихотворная традиция несколько не мешает ей быть включённой в таинственный мир азиатской классической культуры, и эта включённость не сопровождается теми драматическими переживаниями от потери связей с «материковой родиной» русского языка, которые можно наблюдать в творчестве её упомянутого выше современника.

Таким образом, перед нами два варианта идентичности – трагический и гармонический, и последний, кажется, представляется более «выигрышным» с точки зрения культуры и *sub specie aeternitatis*, поскольку предполагает естественное взаимное прорастание культур друг в друга, взаимное их обогащение.

Эмиграция в литературу – ради верности своей культурной и этнической идентичности

Иная ситуация наблюдается у других авторов, которых занимают не столько вопросы идентичности в условиях многоязычного Кыргызстана, но некие иные, не связанные с проблемами культурной идентификации, вопросы. Это писатели, прожившие или живущие в Кыргызстане, чьи произведения отражают иную проблематику, чья образная система и характеры истоком своим имеют иную историческую и культурную реальность. К таким авторам относится, прежде всего, Владимир Михайлов-Лидский, родившийся и получивший образование в Москве (ВГИК), сценарист, автор множества книг по истории кыргызского кино и мультипликации, поэт и прозаик. Сегодня его книги даже на фоне многих художественных экспериментов выглядят вызывающе, они буквально выламываются из привычных представлений о художественной литературе. «Та сила страсти и неизбежной боли, которая клокочет в его произведениях, выбивает читателя из привычной жизненной колеи, заставляет ужаснуться, испытать в полной мере ту же боль и задуматься – о мере человеческого в человеке, о границах дозволенного, о милосердии и сострадании. Искания души, пагубные пути её деградации или, напротив, возвышения и обретения ею святости – вот основные темы произведений В. Лидского. Боль автора за Родину, за Россию, за маленького человека, ставшего незначительным ржавым винтиком в колоссальной социалистической постройке, сродни боли классиков русской литературы 19 века, помещавших этого самого «маленького человека» во главу угла мироздания» - сказано о нём на его сайте³⁰. Действительно, лейтмотив его творчества – это исследование русской души и русской истории и современности. Именно об этом повествуют его романы последних лет «Русский садизм»(2011) – в нём тень знаменитого маркиза присутствует не только в названии, «Избиение младенцев» (2013), «Два солдата из стройбата» (2013). В них доминируют русские типы, исторические реалии России, языковая полифония её географических и социальных просторов, интерконтекстуальные связи с великой русской литературой. Кыргызстан (или Киргизия) присутствуют исключительно в его

³⁰ Лидский Владимир. Официальный сайт - <http://www.vladimirlidsky.com/>

киноведческом амплуа, хотя его понимание особенностей культуры уникального народа Азии очень глубоко (из интервью автору статьи):

Киргизы – очень оригинальный народ в глубинном понимании. Будучи язычниками по своей первобытной сути, они на подсознательном уровне «перетащили» многие свои языческие представления в национальное искусство и, конечно, в кинематограф. Правда, сейчас киргизу уже без надобности вести прямой разговор с горами, солнцем, туманом и дождём, его обступили другие реалии и другие химеры. Христианство и особенно ислам в новые времена разрушили языческую экологию, а в городах она и вовсе растворилась...

Владимир Михайлов-Лидский обладает блестящим даром передавать многоголосицу российских говоров и речевую стихию её субкультур – суржика, одесского говорка, советский новояз... Собственно, в этом и состоит своеобразие его полифонического романа «Русский садизм», но в современных реалиях Кыргызстана подобные произведения выглядят экзотически, так как не имеют сильной связи с теми вопросами, которые одолевают сегодня общество независимой азиатской республики. Таким образом, перед нами пример еще одного типа самоидентификации через литературу – когда именно интуитивно-художественное, а не рационально-исследовательское творчество становится способом архивирования не только исторической памяти русского народа, но и средством определённой изоляции от инокультурных реалий. Таким образом, в литературном пейзаже Кыргызстана В.Михайлов-Лидский со специфически русской проблематикой его художественных произведений выглядит как «иной», по-особому экзотичный для кыргызстанского читателя автор.

Консервирование прежней идентичности

Главный редактор единственного в республике русскоязычного литературно-публицистического журнала «Литературный Кыргызстан» Александр Иванов является автором многих литературных произведений, которые заслуживают внимания как факты актуализации той роли, которую сыграл русский язык в культурной истории Кыргызстана. Рождённый в предвоенные годы и проведший всю свою сознательную жизнь в странах Азии и в основном в Кыргызстане, А. Иванов являет собой пример человека с определённой миссией – миссией просветителя. В его автобиографическом романе «Чужой крест» (2009)³¹ публицистически чётко высказаны мировоззренческие и политические взгляды автора. Несомненна его антизападная, анти-американская позиция в отношении истории Советского Союза и его судьбы в конце 20 века: «...страну **разрушили, развалили**, а песня, хранящая в себе настроение тех лет, осталась и приятно наполняет собой сердце. Так, видимо, и будет, пока живо его поколение и то, что постарше. Забудут **Горбачева, Ельцина, других могильщиков СССР**, откатятся вдаль периоды репрессий, очереди за продуктами, зато память о **величии, могуществе огромной страны**, в которой обитали, останется навсегда» (с.205, здесь и далее жирным выделено мной – Э.П.). Укором звучит его оценка неблагодарности новой власти в Кыргызстане в начале 21 века, во времена первого президента КР Аскара Акаева: «...именно из Москвы на протяжении семидесяти лет получали дотации, награды и нагоняи» (с. 217). Залогом правильной политической жизни в стране ему видится расположение российской элиты к новой кыргызстанской власти (с.242), а провал политики Акаева он видит как результат иностранного заговора: «Развал Союза и был осуществлен для того, чтобы проявились такие, как я, и мне подобные. Это же дьявольская, дьявольская игра!» (с. 242), поэтому народ страны, которая утратила связи с Россией, несёт чужой крест расплаты за эту историческую ошибку – таков публицистический пафос романа. В свете такого понимания рассматривается и вопрос о роли русских: «...идет выдавливание представителей некоренной национальности, замены их чиновниками титульной нации» (с. 207), «Может, русские люди, внесшие огромный вклад в развитие экономики и культуры республики, уже сыграли свою роль на ее сцене и теперь, уезжая, закономерно освобождают место новым, своим силам, способным в нынешних условиях на большие революционные преобразования?»

³¹ Цитируется по изданию с указанием страниц в тексте статьи в скобках: Иванов А., 2009.

(с.249). Но даже задавая подобный вопрос, автор отвечает на него без сомнений: «уход русской литературы и шире – русской словесности из культурной практики страны будет катастрофой, ибо это будет засильем зла и агрессивной серости» (с.255).

Интересно заметить, что в других произведениях Иванова, как и в упомянутом романе, действуют преимущественно персонажи с русскими этническими признаками, а если встречаются кыргызские – они обычно играют роль сильно второстепенную или же их образы сильно редуцированы русским восприятием. Чаще всего то, что действие произведений А.Иванова происходит в Кыргызстане, можно установить по топонимам, географическим приметам (горы, озеро Иссык-Куль), редким кыргызским именам или политическим событиям. Перед читателем возникают тексты, которые могли бы быть написаны и в Татарстане, и на Кавказе.

Справедливости ради следует сказать, что в некоторых рассказах Иванов пытается создать кыргызские образы: в рассказе «Плыла через залив рыба» (эта лирическая история напоминает повесть Р.Фраермана «Дикая собака динго») изложена история Аси/Асель и Кадыра (Рыбы); рассказ «Выстрел» - трагическая история Ксении и Аскара, в которой Аскар выведен в образе целомудренного дикаря; рассказ «Спешу открывать дверь» передаёт историю благодарного Джумы, воспитанного русской семьёй Скворцовых... Но в целом, настоящего кыргызского контекста его произведения не создают. Есть два источника для творчества – фольклор и собственно национальная литература, и по тому, на что ориентируется автор, видна его культурная и литературная идентичность. В случае с Александром Ивановым - это идентичность русского советского человека, с его культурно-просветительской миссией, утрата которой становится главной личной и творческой трагедией писателя. А. Иванов опирается, прежде всего, на традиции русской прозы 60-х- 70-х годов прошлого века, с лёгким налётом «азиатской экзотики» - как фоном, на котором происходят те или иные события его произведений, а главными героями становятся те самые русские люди, которые волею судеб оказались «в азиатском круге». Его «инаковость» в литературном контексте Кыргызстана выглядит как вечерние зарницы советской художественной словесности. Это подтверждает и его ответ на вопрос автора данной статьи о месте Востока, Азии, Кыргызстана в его писательской судьбе:

Моя Родина – Советский Союз, а Кыргызстан – был и остается во мне ее частью, хоть ныне и суверенной. В разное время здесь то западные ценности одолевали восточные, но наоборот. У нас все перемешано, Востока в чистом виде нет и в помине. Впрочем... Глубинная часть реки сильно отличается от поверхностной. Она-то меня и привлекает.

Заключение

Литература является основой для формирования собственной культурной и этнической идентичности, поскольку она выражает чувства и мысли в персонифицированной форме, позволяя читателям задуматься над вопросами, которые ставят художественные произведения. Это особенно ярко видно сегодня, в эпоху, когда глобальные процессы – миграция, диаспоры, массовое искусство – делают невозможным существование монокультур.

Анализ творчества Вячеслава Шаповалова и Светланы Суловой («новые азиаты») позволяет говорить о том, что те авторы, которые познавали культуру кыргызского народа через изучение его языка, переводы и творческие эксперименты, оказались внутри его дискурса (мера вовлечённости – это другой вопрос) – в противоположность тем (творчество В.Михайлова-Лидского и А.Иванова), кто предпочёл остаться либо в классическом дискурсе русской словесности, либо в дискурсе мессионерской роли русского языка и литературы в Центральной Азии. Авторская идентификация оказывается сложным результатом личной судьбы писателя, его/её культурного багажа, исследовательских и просвещенческих устремлений, и только в последнюю очередь – итогом объективных исторических и социальных обстоятельств, в которых он/она оказался/оказалась. Язык в этом случае становится в равной мере и средством архивирования культуры, в которой писатель сформировался как творческая личность, и – если

это новый для него/неё язык, в данном случае, кыргызский язык или любой другой язык Азии – он становится проводником в мир новых смыслов, новых ценностей, значительно формируя особую, «азиатскую русскую» идентичность. Многие деятели литературы из стран Центральной Азии, ныне независимых от России государств, сетуют на скудность или отсутствие литературной среды для русских писателей. Глобализация с её средствами массовой коммуникации позволяет преодолеть этот недостаток и выбрать свою литературную и издательскую среду, соревнуясь с российскими авторами, как это сделали, например, В. Лидский или недавно покинувший Кыргызстан писатель-фантаст А.Кубатиев. Так или иначе, но автор не может создавать свои тексты в безвоздушном пространстве. Этим «воздухом» становится непосредственная реальность, в которой он живёт, живые человеческие контакты, живая культура народа/народов, их языки и природа. Случается, что автор уходит в прошлое, в том числе, в прошлое литературное, чтобы добыть этот «воздух» для своих произведений.

Драматизм русской словесности в Кыргызстане в целом, кажется, заключается в том, что два речевых потока – русский и кыргызский – мало пересекаются в реальности. Или же это пересечение носит фрагментарный и формальный характер, когда происходят попытки обучить государственному языку не говорящих на нём граждан или переводят для русскоязычных материалы кыргызоязычных медиа. И первое, и второе, как меры, сами по себе хороши, но нет системной работы по сближению разных речевых потоков в стране, где говорят не только на кыргызском и русском, но и на узбекском, уйгурском, корейском и других языках.

Взаимозависимость, взаимопроницаемость, полифоничность – в природе сегодняшних культурных отношений. Противостоящая глобализации локализация культуры является/становится способом архивирования собственной идентичности для всякого творческого человека и народа в целом. Однако важно выяснять, какие ценности идентичности выражает культура. Об этом говорит Homi K. Bhabha:

Culture as a strategy of survival is both transnational and translational... Culture is translational because such spatial histories of displacement – now accompanied by the territorial ambitions of ‘global’ media technologies – make the question of how culture signifies, or what is signified by *culture*, a rather complex issue...³².

Современное состояние русской литературы в Кыргызстане демонстрирует не дуальную оппозицию кыргызской и русской словесности, а гораздо более сложную картину культурного взаимодействия, при котором поликультурный принцип взаимных влияний, а не доминанции, оказывается наиболее продуктивным, хотя и не всегда предсказуемым. Но таково свойство открытых систем, возникших на пространстве бывших империй: «The postcolonial perspective resists the attempt at holistic forms of social explanation. It forces a recognition of the more complex cultural and political boundaries that exist on the cusp of the often opposed political spheres»³³.

Список литературы

АЙТМАТОВ Ч., 1997. «Всё, что я вижу и переживаю...». Беседу ведёт Мария Копыленко, *Дружба народов*. 2009. № 10

[<http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/10/a12.html> просмотрено в июне 2014].

АНОНИМ, 2010, «Литературный журнал «Жаны Ала-Тоо» встречает первую годовщину», *Информационное агентство «Кабар»*. 8 июня [<http://kabar.kg/index.php/science-and-culture/full/16908> просмотрено в июне 2014].

БАЯДЯН Г., 2007. «Воображая прошлое», *Художественный журнал*. № 65/66 [<http://xz.gif.ru/numbers/65-66/grach-bayadyan/> просмотрено в июне 2014].

ГАВРИЛОВ К., КОЗИЕВСКАЯ Е., ЯЦЕНКО Е., 2008, «Русский язык на постсоветских просторах», *Демоскоп Weekly*. Институт демографии государственного университета –

³² Homi K. Bhabha. Ibid. P.172

³³ Ibid. P.173

Высшей школы экономики. № 329-330. 14-27 апреля
[<http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema02.php>] просмотрено в июне 2014].

ГОЛЕНКОВ С.И. «Феноменология Другого Сартра» [www.phil63.ru/files/2vГоленков.doc просмотрено в июне 2014].

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 2012, Национальный состав населения на июнь 2014 года, Бишкек, Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [<http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010003.pdf> просмотрено в июне 2014].

ИВАНОВ А., 2009, *Чужой крест*. – Бишкек: Просвещение [<http://literatura.kg/articles/?aid=498> просмотрено в июне 2014].

КОЖОБАЕВА З., 2014, «Россия: что делать с мигрантами?», *Радио Азаттык*, 25 июня [http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_russia_migration/24946693.html просмотрено в июне 2014].

КОЙЧУЕВ Б., 2009, *Русская литература Кыргызстана начала 21 века как зеркало социального и духовно-нравственного состояния общества* [<http://literatura.kg/articles/?aid=852> просмотрено в июне 2014].

ЛИДСКИЙ Владимир, 2014. Официальный сайт [<http://www.vladimirlidsky.com/> просмотрено в июне 2014].

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА КЫРГЫЗСТАНА. Крупнейшая электронная библиотека отечественных авторов [<http://literatura.kg/> просмотрено в июне 2014].

ПЛОСКИХ В. (ред.), 2007, *Дар*, Статьи и материалы о творчестве Вячеслава Шаповалова. – Бишкек: Турар. 232 с.

ПРОЯЕВА Э., 2010, «Диалог с Богом на краю бывшей империи. О стихах народного поэта Киргизии Вячеслава Шаповалова», *Дружба народов*, № 9 [<http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/9/pr14.html> просмотрено в июне 2014].

САВИНА М., *Русскоязычная проза кыргызских писателей-билингвов*, Бишкек: КРСУ, 2011. 84 с.

САРИЕВ М., 2012, *Интервью интернет-изданию «Чалкан»* [<http://www.chalkan.kg/2012/07/mononaciya-eto-tupikovyj-put/> просмотрено в июне 2012].

СУСЛОВА С., 2009, *Акварели осеннего неба: Стихотворения*. – Бишкек: Просвещение. 260 с.

СУСЛОВА С., 2008, *Рубаят. Оригинальные стихи Омара Хайяма* [<http://literatura.kg/articles/?aid=172> просмотрено в июне 2014].

ЧЕРНЕНКО А., 2009, «Проблемы понимания оксюморона» [<http://elib.bsu.by/handle/123456789/24857> просмотрено в июне 2014].

ШАПОВАЛОВ В., 2003, *Избранное: В 2-х т.* - Бишкек: Архи. Т. 1. В азийском круге. 605с.

ШАПОВАЛОВ В., 2011, *Чужой алтарь*. - Бишкек: Турар. 170 с.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
[[http://ethnopsychology.academic.ru/393/этническая_идентичность_\(этничность\)](http://ethnopsychology.academic.ru/393/этническая_идентичность_(этничность)) просмотрено в июне 2014].

ВНАВНА К. Homi, 1994, *The Location of Culture*. 197 pp. [<http://www2.tf.jcu.cz/~klapetek/bha.pdf> просмотрено в июне 2014].

ERIKSON H. Erik, 1968, *Identity: Youth and Crisis*, New York, W.W. Norton Company.

RYSKULOVA N., 2012, «Leaving home from home. Hundreds of Slavs are leaving Kyrgyzstan in danger of becoming a mono-ethnic country», *Manuscript*.

Аннотация

В статье рассматривается проблема культурной идентичности в произведениях авторов, живущих в Кыргызстане, пишущих на русском и осознающих себя русскими в контексте молодого независимого государства - Кыргызской Республики. Анализ их произведений демонстрирует разную культурную идентичность авторов: исследовательская и переводческая практика В.Шаповалова и С.Суловой приводит к формированию феномена «новых азиатов» - они впитали опыт кыргызской словесной культуры и продемонстрировали возможность поликультурного творчества даже при сохранении русского языка творчества. А. Иванов и В.Лидский, каждый по-своему, остаются в рамках воспитавшей их русской литературной и исторической традиции – это соответствует «советской» идентификации первого и «российской» идентификации второго.

Ключевые слова: Кыргызстан, русская литература, культурная идентичность, «новые азиаты».